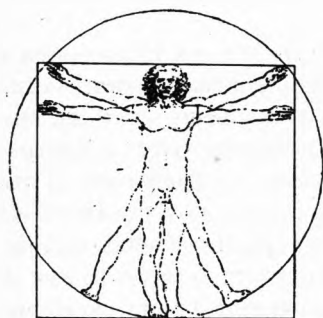

Рефлексия на себя и других

Автобиография детства

Татьяна Панкова*

ДЕТСТВО. ТО, ЧТО ОСТАЕТСЯ

Часть 1. Начало

Первые воспоминания —
«я помню только запах»

Мое самое первое воспоминание относится, вероятно, к очень раннему периоду детства. Оно настолько смутное, что я помню только запах. Почему я решила, что это первое воспоминание? Потому что все мои попытки проникнуть глубже в свою память натываются на нечто диффузное, размытое, тревожащее, от чего остался только запах и чувство, как во сне. Я много раз

* Автор текста Панкова Татьяна Владимировна — детский психолог и психотерапевт в частной школе, родилась в г. Москве в 1977 году в семье инженеров (отец 1942 года рождения, последняя должность — главный инженер; мать 1947 года рождения, инженер по образованию, последняя должность — работник торговли) вторым ребенком. Дважды получала высшее образование, из них второе — психолого-педагогический факультет Университета Российской академии образования, который закончила в 2002 году. Текст написан в 2001 году. С этого времени он хранится в Архиве воспоминаний о детстве Университета РАО.

пыталась понять, что это за запах. Но его перебивает другой, который был уже позже — сладковатый запах самых дешевых духов, пота и туалетного мыла, сливавшийся для меня в то время в один запах. А когда я пытаюсь идентифицировать этот первоначальный, я всякий раз терплю неудачу. Этот запах будто указывает путь, но в недоступную глубину, будто в самый центр меня самой — ребенка. Я следую за этим запахом — все дальше и дальше, но туман рассеивается лишь для того, чтобы вновь показать мне один сон или фантазию, которую я не знаю, к какому времени отнести, и не знаю, не была ли она создана моим воображением именно в тот момент, когда я впервые попыталась проникнуть к самым истокам своего бытия.

Я вижу детский сад со стороны...

Я вижу детский сад со стороны и немного сверху; и в то же время я будто поднимаюсь по одной из его лестниц, и само пространство внутри этого здания как-то вывернуто и нарушено, и сам сад, может, полуразрушен, и будто в нем еще остались голоса и призраки бывших там когда-то людей, и этот запах окутывает все. И там внутри будто какой-то пролом или еще что-то, и оттуда свет бьет лучами, и странное напряженное чувство, сродни падению или парению, будто внутри этого здания пространство размыкается и, шагнув в этот пролом, я обрету снова потерянное памятью время. Но дальше — все, стоп, начинается сначала этот подъем, и сон замыкается в круг, все сопровождается шумом или ветром, создается впечатление спирального закручивания, в конце которого обрыв, я теряю свой путеводный запах, и видение рассыпается осколками. Когда я пытаюсь подойти с другой стороны к этому запаху, по ассоциациям, обогнув это «восходящее видение», то единственное, что ко мне приходит, — это воспоминание об одном сне, который снился мне уже в школе (вероятно, классе во втором). В этом сне я сижу на скамейке перед детским садом и надеваю коньки, а вокруг меня цветет сирень. Какое странное несоответствие — сирень и коньки! Могу предположить только, что, может, этот изначальный запах был запахом сирени или тем запахом свежести, который бывает снежной морозной зимой, и мое бессознательное подбрасывает мне сходный образ — из сна, поскольку смутность сознания в младенчестве подобна сознанию во сне.

Запах — то, что осталось на память от самого раннего детства

Когда мне было два с половиной года, наша семья переехала в новую квартиру. Я не помню нашего старого дома. Я расспросила о нем маму. Она говорит, что там росли кусты сирени и вишни перед домом, и что она часто оставляла меня под окном, рядом с сиренью, присматривая за мной из окна. И вообще тот район, где мы жили, утопал в зелени, повсюду росла сирень. Так что, может, этот запах — и есть то, что осталось мне на память от самого раннего моего детства.

После четырехлетнего возраста вычленились уже довольно цельные воспоминания. И, как мне кажется, наиболее раннее, как-то обособленное в памяти (возможно, около четырех лет): я сижу около окна в детском саду, наверно, весна, еще достаточно прохладно, мы собираемся гулять, одеваемся, я знаю, что надо надеть колготки, но я их не надеваю, таким образом, впервые поступая по собственному разумению, наперекор некоему неясному, но очевидному «долженствованию». Почему-то осталось в памяти это первое собственное волеизъявление, и радость от того, что я могу поступить и поступаю по-своему, как нужно и удобно мне, не спрашивая разрешения у взрослых. Возможно, это и было началом моего самосознания, когда появилась способность самостоятельно определять свои действия, независимо от взрослых принимать решение. Хочу подчеркнуть, что это не было сделано «назло» кому-либо (никто даже не заметил, что я на улице без колгот), скорее это было преодоление некой схемы, побуждающей действовать «как положено», не задумываясь, почему так, а не иначе. Потом есть и еще какое-то смутное воспоминание, вероятно, связанное с «прививкой» в саду. От него тоже остался только запах (намного позже я узнала, что этот характерный запах больниц и зубных кабинетов — формальдегид) и тревожное ожидание. И какой-то смутный образ женщины в белом халате.

Запахи впоследствии также были важными составляющими моего восприятия, иногда сами по себе, иногда в сочетании с событиями. Помню в детском саду запах хлорки, остававшийся после уборщицы, кислый запах баков, в которых варили еду, может оттого, что их мыли хозяйственным мылом, помню, как пахло какао, которое мне никогда не нравилось, молоко с пенками, моя любимая сладкая каша с изюмом, борщи...

Воспоминания со слов близких Меня отдали в сад в три с половиной года. Мое пребывание в детском саду началось с удивления. Сильно удивилась воспитательница, о чем и рассказала моей бабушке, когда вечером та пришла забирать меня домой. Оказывается, когда бабушка утром ушла, оставив меня в саду, я, как и другие дети, сидела и плакала в уголке. Когда воспитательница подошла ко мне и хотела утешить, я сказала: «А Вы не обращайтесь на меня внимания, — я поплачу-поплачу и успокоюсь».

Первые дни я очень не хотела идти в сад, плакала и просила не отдавать меня туда, бабушка не выдерживала такой бури эмоций и водить меня в сад пришлось маме.

Но уже очень скоро я освоилась в саду. Я подходила к другим плачущим детям и утешала их так: «Ну, что ты плачешь? Мамочку жалко? Не плачь, мамочка вернется!».

Ничего этого я не помню.

Около пяти лет
начинается мое
осознанное
существование

Мои друзья

Я очень огорчилась,
что нельзя придумать
мне прозвище

Я старалась дружить
со всеми детьми...

Я сама придумала
игру

Дальше уже много воспоминаний, которые я отношу к пяти-шести годам. Очень хорошо я помню детский сад. После какого-то возраста, я полагаю, около пяти лет, начинается мое осознанное существование. Воспоминания достаточно ясные, я хорошо помню свои мысли, рассуждения, чувства, а также помню детей, что играли со мной, обстановку в комнатах детского сада, лестницы, двор, веранду, дорожку, ведущую к саду. Помню и воспитательницу, Валентину Ивановну Волкову. Не знаю, в каком порядке в реальности следовали друг за другом эти события, опишу по мере воспоминания сейчас.

Моей лучшей подругой была Катя. Катя была пухленькой, темноволосой и очень сообразительной. Мы были с ней заводилами в любой игре. Все мальчишки, как мне казалось, были влюблены или в меня, или в Катю. Я не помню, чтобы мы ссорились. Моими друзьями также были два мальчика Дима и Саша, который называл себя Алик. Поначалу мы все сопротивлялись, говорили, что Саша и Алик — это разные имена, но он настаивал, и вскоре мы смирились. Алик был медлительным и рассудительным, у него была большая голова, он и сам был крупный, прозвище у него было «Башка», это от фамилии Башкатов. Дима был маленький, белобрысый и лопоухий, но очень заводной, мне он нравился, и я не знала почему, вроде такой неказистый.

Прозвище у него было «Лыжа», почему-то такую производную мы сделали от фамилии Плужников. Прозвища были почти у всех, только у меня не было, потому что фамилия уж слишком простая. Я очень огорчалась, что никак нельзя придумать и мне прозвище. Ну в самом деле, что могли придумать дети на фамилию Панкова? Ничего.

Я старалась дружить со всеми детьми и всех вовлекать в совместные игры. Была лишь одна девочка по имени Белла, которая не играла с нами. Она не разговаривала и производила впечатление какого-то маленького злобного зверька. Я сначала пыталась наладить отношения, но наталкивалась лишь на непонимание. Мне казалось, она почти не понимала речь. Она могла укусить, если что-то было не так. Для меня ее поведение было каким-то странным, неестественным для разумного человека. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что, возможно, у этой «девочки-маугли» как-то затормозилось развитие. Вскоре она исчезла из нашей группы. А о моих друзьях: я помню, как весело нам было вместе. Бабушка рассказывала мне потом, что в то время я спрашивала ее: «Бабушка, за кого же мне замуж выходить? Меня и этот мальчик любит, и тот, и другой тоже».

Больше всего я любила одну игру. Я сама ее придумала, и она понравилась другим детям, мы часто в нее играли на прогулках. Мы придумали себе сказочные имена, девочки обычно были положи-

тельными героями (я была Василисой Премудрой, а Катя — Василисой Прекрасной), а мальчики — отрицательными (Кашеями, Змеями Горынычами и прочей нечистью). И вот, договорившись о начале игры, мы разбежались. Злые догоняли добрых, а добрые убегали. Тех, кого догнали, «заточали в темницу», которой служила маленькая деревянная беседка. А другие добрые освобождали пленных. Так разворачивалась извечная борьба добра и зла в масштабах одной веранды.

Мы любили
закапывать «секреты»

Еще мы любили закапывать «секреты»: бутылочные стеклышки, под которые подкладывали особым образом свернутые фантики. Закапываешь «секрет» и загадываешь желание. А сверху на это место мы насыпали желтые опавшие хвоинки с лиственниц, которые возвышались вдоль всего забора у нашей веранды.

Ограниченность мира
ребенка

Помню, я часто стояла у забора детского сада и смотрела на мир по ту сторону. Забор был бетонными ромбами, кое-где бетон раскрошился, и остался только железный каркас, а сверху была металлическая сетка. Но, несмотря на эти «дыры» в заборе, пролезть сквозь них мог бы только младенец.

Я размышляла о том, что этот забор будто ограничивает мой мир, мир «ребенка». Вот я здесь, думала я, я знаю каждый бугорок земли на этой площадке, и мне здесь не так уж плохо, но настоящий мир там, по ту сторону забора, огромный, неисследованный, манящий, и лишь там, за забором, можно быть свободным. Да, это кажется странным, но уже тогда я ощущала эту ограниченность пространства как помеху, как искусственность, «ненастоящность», мне кажется, я осознавала свою детскую ограниченность в правах и возможностях, это заставляло меня страдать. В сравнении я познавала прелесть «бытия» вне этого забора, пока меня вели в детский сад или забирали из него, или же просто, когда проходили мимо по дороге ко второй бабушке, которая жила неподалеку, или по дороге в поликлинику.

Рано проснувшаяся
сознательность

Как ярко я помню это! Воспитательница, привыкшая к моей рано проснувшейся сознательности и ответственности, попросила меня сходить в магазин за «классным» журналом, в котором она вела записи о посещении детей. Она дала мне деньги, со мной отпустила еще кого-то. Мы вышли за ворота, помню свое ликование: меня отпустили без взрослого, мне дали ответственное поручение! Как радовало меня это доверие и подтверждение моей самостоятельности! Мы пришли в магазин, он был не так уж далеко, и я, положив деньги на прилавок, попросила «классный» журнал. Продавщица была так удивлена ребенком, пришедшим покупать журнал, что, не поверив словам о пославшей меня воспитательнице, отказалась продать мне его, сказала, что только сама воспитательница может его купить. Вот это был удар! Мы вернулись ни с

Я была правильным
ребенком

чем, теперь уже к удивлению воспитательницы. Ей пришлось самой пойти за журналом. Я еще раз поняла, как ограничивает меня то, что я — ребенок. Но даже еще больше — то, что другие не верят в мою способность действовать осознанно лишь вследствие того, что я ребенок.

Предательство
человека, которому я
доверяла...

До этого случая меня никогда не наказывали, и это было для меня понятно, потому что я была слишком «правильным» ребенком, всегда руководствуясь неким принципом «блага». Не помню, чтобы у меня возникали какие-либо побуждения к баловству или шалостям. Эту «разумность» и «рассудительность» отмечали и воспитатели, для которых я во многих ситуациях была помощником и посредником между ними и другими детьми. Я доверяла взрослым, считая их мудрыми и справедливыми. То, что случилось, было для меня как гром среди ясного неба, как рухнувшие солнечные декорации.

Перед прогулкой, когда большинство детей уже пошло на улицу, я затеяла новую забаву. Я и еще две девочки взялись за руки в круг и вытянули их вперед: получился «живой цветок» с тремя лепестками из наших рук. Нам так он понравился, что, не желая расцеплять руки, мы так и пошли в общий зал. Когда мы очень осторожно протискивались через дверь, это увидела воспитательница, Валентина Ивановна, которую я очень любила. К моему величайшему удивлению, она строго спросила: «Кто это придумал?». Я ответила: «Я». А она жестко сказала: «Встань в угол! А вы — марш на улицу!» Не могу описать шок, который меня постиг. У меня потекли слезы. Это было столь несправедливо! За что? За «цветочек»? И кого наказали? Меня? Она же знает, что я никогда не делаю ничего дурного! Я сказала: «Как Вы можете меня наказывать? Что я сделала плохого? Вы же знаете, что я никогда не балуюсь! Я всегда Вам во всем помогаю, а Вы меня наказываете!». После этой тирады шок постиг воспитательницу. У нее на лице было такое недоумение, которое я помню до сих пор. Она тихо сказала: «Ну ладно, иди, гуляй». Я ушла из зала, но не сразу вышла к играющим детям. Я не могла показаться им такой зареванной. В душе у меня пролегла трещина. Это было предательство человека, которому я доверяла. Я не боюсь громких слов, потому что так, как воспринимает ребенок, не воспринимает взрослый. Все чувства ребенка открыты навстречу миру, душа его обнажена, ребенок не может защититься от ударов, и любое сильное событие для него — это громадное потрясение, переживаемое всем его существом. Это событие было для меня уроком, из которого я, тогда маленькая девочка, сделала обобщающие выводы: «Нельзя доверять взрослым. Любовь их обманчива. Ко мне, ребенку, они относятся сверху вниз. Когда им выгодно — дружат,

когда захотят, — наказывают». Мое расположение к этой воспитательнице так и не восстановилось даже по прошествии времени. Теперь я знала, что нужно быть осторожной. Внешне я была достаточно вежлива, но без прежней искренности. Не был ли этот случай, произошедший со мной в самом восприимчивом возрасте, тем первым крахом ожиданий, заложившим основы недоверия по отношению к людям старшего возраста?

Скрипучий снег

Очень ясно помню, как мы идем с мамой в детский сад. Зимнее утро, еще темно. Мама отводила меня в сад к семи, чтобы успеть на работу на завод. Морозно. У мамы под ногами скрипит снег. А у меня — нет. Я спрашиваю ее: почему так? Она говорит что-то, я уже не помню. Я думаю, что это, наверно, оттого, что я маленькая. Когда вырасту, тоже буду скрипеть снегом. И какое-то смутное чувство примешивается — будто сны еще не развеялись и вчерашний вечер стоит перед глазами, и что-то еще, может, предвосхищение важного события. А скорее всего, предвосхищение собственного будущего. Волнение и трепет.

За поворотом, в глубине
Лесного лога
Готово будущее мне
Верней залога.
Его уже не втянешь в спор
И не заластишь.
Оно распахнуто, как бор,
Все вглубь, все настезь.

Б.Пастернак

Прощание по
поводу...

Какой-то праздник, наверное, по поводу «прощания с детским садом». Принесли в группу костюмы. Мы должны были изображать украинок или что-то в этом роде. Костюмы свалили в кучу на кровать. Образовалась толкотня — все хотели себе выбрать костюм получше. Я как «разумная девочка» здраво рассудила, что так или иначе, а без костюма я не останусь — ведь их рассчитали на всех, и какая разница, какой костюм мне достанется, они все примерно одинаковые. Я подождала, пока все девочки выбрали себе костюмы, и взяла свой оставшийся. Но фартук от него оказался очень короткий, поэтому его и не взяли другие дети. Но делать было нечего. Я повязала этот фартук и вышла в зал. Меня не слишком это огорчило. Так я и стою на фотографии, сделанной в тот день, — в очень коротком фартуке.

«Самое интересное
начиналось когда
темнеет...»

Мне очень нравилось в детском саду. Я с удовольствием играла с другими детьми и очень огорчалась, когда забирать меня домой приходили слишком рано. Мне казалось, что самое интересное начинается, когда темнеет и остается всего несколько человек, за которыми еще не пришли. Именно тогда происходит что-то таин-

ственное, пугающее и влекущее, тогда нас, оставшихся, объединяет некая особенно сильная дружба, мы становимся как бы одной командой, готовой противостоять неясной темной угрозе и способной вместе раскрыть тайны, окружающие нас.

Помню, однажды от досады, что мама пришла за мной слишком рано, по моему мнению, я сказала ей: «Что ты так рано пришла? Вот теперь стой и жди, пока я доиграю!».

Откуда я взялась

Этот трудный вопрос не обошел стороной моих родителей. Года в три или четыре я «пытала» маму, пока она не «созналась». Она сказала, что она купила меня в магазине. Поразмыслив над этим, я задалась вопросом, почему именно меня она купила в магазине, а не какого-нибудь другого ребенка. Наверно, я ей понравилась больше всех, и она выбрала меня. Я спросила ее: «Мама, а почему ты именно меня купила?». А она ответила: «Потому что других разобрали». Я обиделась. Значит я — не самый лучший ребенок в том магазине, и вовсе не понравилась ей больше всех. Она просто смирилась с тем, что ей пришлось взять меня, завалившуюся на пыльном прилавке в полном одиночестве, никому не приглянувшуюся, в то время как другие счастливые мамы уже выбрали себе что получше. Кому было бы не обидно? Мне было так это неприятно, что этот эпизод остался у меня в памяти, хотя и не оставил следов в памяти моей матери.

«Скажи мне, наконец, уже правду: ты меня родила или купила?!»

Потом мама рассказывала такой случай, которого я не помню, может, имевший место лет в пять или шесть. Мы ехали с ней в битком набитом автобусе, и тут я громко спросила голосом полным решительности: «Мама! Скажи мне, наконец, уже правду: ты меня родила или купила?!». Пассажиры прыснули со смеху, а стоящий рядом мужчина пробасил: «Да, мать, скажи ребенку правду!».

«Меня назначили Снегурочкой»

Это одно из самых радостных и светлых воспоминаний. Меня «назначили» Снегурочкой на новогодний праздник в детском саду. Не помню, откуда был костюм, — выдали мне его, или сшила мама. Больше всего мне нравились мягкие сапожки — таких никогда у меня не было, я бесшумно ступала в них, мне казалось, это и было то, что делало меня Настоящей Снегурочкой. Я чувствовала себя волшебной ледяной девочкой, которая пришла откуда-то из сказки. Будто бы тайна окутывала меня, и я становилась чем-то другим, не тем, чем была без этого костюма. У нас есть любительская, слишком темная фотография, запечатлевшая меня в наряде Снегурочки: мягкие сапожки, так поразившие мое воображение, белая юбка с мишурой, бумажная корона, расшитая снежинками и блестками. Я стою на фоне книжного шкафа, художественно отставив ножку и держась за краешки юбки. Я так готовилась к исполнению своей роли — надо было заучить какие-то слова, но главное — не забыть раздать подарки. На самой «Елке»

в саду я помню только, как я все спрашивала шепотом Деда Мороза: «Дедушка Мороз, не пора ли подарки раздавать?» А он, наверно, уже утомленный моей нетерпеливостью, степенно отвечал: «Не торопись, Снегурочка!». Как благодарна я своему детству за то, что в нем был этот праздник и эта «Елка», подарившая мне ощущение причастности к волшебству.

Часть 2. Дитя и смерть

«Мое сердце сжималось, когда я думала, что черепаха могла раздавить машина»

В группе детского сада всегда жили какие-то животные. В младшей группе была черепаха. Однажды она сбежала, наверно, когда ее отпустили погулять на улице. Помню, как я волновалась за нее. Ведь черепаха наверняка уползла туда, за забор, где ей грозило множество опасностей. Мое сердце сжималось, когда я думала о том, что черепахе могла раздавить машина, или еще хуже, если ее нашли какие-нибудь хулиганы и мучили бы. Но все кончилось благополучно, кто-то подобрал нашу черепаху и принес ее обратно в сад. У меня отлегло от сердца.

Улетевшие птицы — «птицы обрели свободу, но потеряли безопасность»

Это было уже в последней группе детского сада. У нас на окне в клетке жили две птицы. Наверно, попугаи. Однажды они вылетели за окно. Мы выбежали всей группой на улицу. Птицы перелетали с одного дерева на другое — вдоль той стороны сада росли огромные тополя, мы бежали за ними, выбежав уже за забор, кричали и звали их, мое сердце замирало от предчувствия, что мы все же не поймаем наших птичек. Так и случилось. Они улетели, и мы вернулись в группу. Я помню последовавшие за этим дни ожидания — мы не убирали клетку, открывали окно. Кажется, я переживала больше всех. Я смотрела на деревья за окном со странным чувством жалости и томления, — птицы обрели свободу, но потеряли безопасность, они беззаботно порхают где-то, не зная, что они их ждет гибель, что их погубит мир, который они обрели.

«Где есть я — там нет смерти; где есть смерть — там нет меня.

Поэтому смерть — ничто для меня».

Лукреций

Что такое смерть?

Следует упомянуть в связи с тем, что я хочу рассказать (а это одно из центральных по значимости событий детства), что в мою бытность ребенком отношения между СССР и США были крайне напряженными. Во времена холодной войны и ядерной угрозы население нашей страны находилось в состоянии тревоги, страха и ожидания конца. Напряжение в умах граждан было столь сильным еще и оттого, что отсутствовала объективная информация. Запугивание в газетах и по телевидению было массовым и бескомпромиссным. Я, даже будучи ребенком, не осталась в стороне.

Я знала, что у американцев есть атомная бомба, и если они сбросят ее на нашу страну, то все мы погибнем, и нет никакой возможности спастись, потому что смерть будет мгновенной и никто ничего не успеет сделать. В связи с таким положением дел я часто размышляла о смерти. Я спрашивала, что это такое. Впрочем, я вообще задавала слишком много вопросов и получала слишком мало серьезных ответов, так что вскоре поняла, что добиться от взрослых удовлетворения своего любопытства невозможно в силу их занятости и отсутствия всякого желания что-либо мне разъяснять. Поэтому вся тяжесть выяснения, что же такое смерть, легла на меня. Надо заметить, что все члены моей семьи, включая ранее верующую бабушку, были атеистами, вероятно, как и большинство граждан СССР. Поэтому никакими христианскими понятиями мое взрослое окружение не оперировало. К тому же христианство в нашей стране было «практически искоренено». Так что с точки зрения атеистического мира вокруг меня, смерть — это несуществование. Это единственное, что я знала о смерти.

«Я впервые отчетливо представила, как умираю я. Вот я есть — а вот меня нет»

Я помню, как я долго стояла неподвижно у забора в полном одиночестве. Там не росла трава, так как лиственницы сильно затеняли это место, пахло сырой черной землей. Я в тысячный раз представляла, как американцы решают уничтожить нас и запускают свою атомную бомбу. Бомба падает и взрывается. Мы все исчезаем. И тут я впервые отчетливо представила, как умираю я. Вот я есть — а вот меня нет. Я не вижу, не слышу, не осязаю и не чувствую. Нет больше деревьев, звуков, запахов вокруг, нет этого сада, дома, мира. Ничего нет. Тьма. Но и ее я не вижу и не знаю. Нет американцев и нет их бомбы. Все исчезло. ПРЕКРАТИЛОСЬ. И тут я будто уперлась в некую стену. Невозможно! Это невозможно, чтобы весь мир исчез. А если хоть что-то остается, значит остаюсь и я. Нет меня — нет мира. Значит, я не могу умереть! Это было похоже на озарение. Как кто-то может пытаться убить меня, если — и это очевидно! — исчезну я — исчезнет весь мир, а с ним и убийца тоже. Значит, меня нельзя убить. Просветленная, я стояла у забора, созерцая сквозь него мир, внезапно обретший прочность. Смерть не пугала меня больше. Я не могу умереть. Мир не может исчезнуть. Я есть. Мир существует и будет существовать всегда.

«Я обрела бессмертие внутри себя»

Так я обрела бессмертие внутри себя. С тех пор многое менялось, но это ощущение вечности жизни и взаимосвязанности всего не покидало меня с тех пор. И даже страх смерти, который потом посетил меня во время тяжелой болезни лет в десять — был лишь страхом неизвестности, но не страхом исчезновения. Потом, позже, я прочитала в книгах о нетленности духа, о перерождении и многое другое, что было мной воспринято как лишь более по-

Бог есть!

дробное исследование, подтверждавшее открытие пятилетнего ребенка — жизнь вечна.

Об этом случае рассказала бабушка, я его не помню.

— *Бога нет, милая моя, это все опыты выдумали, чтобы простых людей дурачить, — говорит бабушка.*

— *Как же, бабушка, Бог есть! — отвечаю я ей с улыбкой.*

Бабушка хотела объяснить мне, что Бога нет. Вообще-то это не удалось в объяснении. В то время считалось, что «Бога нет», и так говорили все, так что непонятно, почему состоялся этот разговор, ведь кого бы я тогда ни спрашивала о Боге, мне должны были бы ответить в духе атеизма. Откуда взялась у ребенка мысль о существовании Бога, неясно.

«Только перед лицом смерти по-настоящему рождается человек».

Св. Августин

Опыт умирания

Лет в семь или восемь мы с моей родной сестрой и двоюродной (обе они старше меня на три года) были на даче. Мы пошли купаться на пруд, взрослые с нами не ходили. Плавать никто из нас не умел, поэтому мы брали с собой надувные круги и матрасик. Так и в этот раз мы поплыли на середину пруда на наших «плавсредствах». И тут моим сестрам пришла в голову мысль о том, что надо научить, наконец, меня плавать. Для этого они выдернули из-под меня надувной матрасик и уплыли с ним к берегу. Я стала отчаянно барахтаться в воде. От испуга у меня случился спазм горла, и я ничего не могла членораздельно крикнуть, я только сдавленно выкрикивала отдельные слоги: «Спа! А! Си! То!». После каждого слога погружаясь в воду, глотая ее, и судорожно вдыхая воздух, когда выныривала. Мне было очень страшно, я захлебывалась и задыхалась, в то же время удивленно сознавая, что это НА САМОМ ДЕЛЕ происходит, я тону! Силы стали покидать меня. Я вдруг ясно поняла, что мне уже не спастись, что сейчас я умру. И тут произошло удивительное.

«Я заново пережила мою короткую жизнь»

Перед моим мысленным взором в одно мгновение пронеслись давно забытые картины моего прошлого, сцены из детства, с такой четкостью, будто я заново пережила свою короткую жизнь. Была и центральная сцена в этом мгновенном озарении. Я не поручусь, что опишу ее верно, она так поразила меня, а позже смутила мой разум, — она была невозможной, забытой крепко-крепко и все-таки бывшей со мной когда-то давно. От этого образа я испытала блаженное спокойствие и умиротворение, будто смысл всей жизни открылся мне, и страх исчез.

«Я больше не боялась умереть»

Я больше не боялась умереть. В этом видении передо мной предстала сцена из детского сада. Я видела, что напротив меня стоят люди, но среди них был кто-то, от кого струился странный желто-оран-

жевый свет и доброта, спокойствие и смысл, и этим смыслом, светом и радостью была проникнута каждая частичка пространства в этой сцене. Но этот кто-то, стоящий среди людей, я знала, не был в реальном воспоминании, ведь там, тогда, когда это было, я не видела ничего примечательного, как и другие люди в тот момент, не было этого «кого-то» среди нас. Но теперь моя жизнь, прощаясь со мной, делает мне невероятный подарок, — я вижу, наконец, то, что на самом деле произошло тогда, и теперь знаю, что не зря жила.

Я перестала сопротивляться погружению, но тут двоюродная сестра крикнула: «Смотри, она *действительно* тонет!». Сестры быстро подплыли и вытащили меня на берег. Я откашлялась, внутри у меня было мерзко от проглоченной воды, сказала какое-то ругательство, которое знала, из-за шока особых слов у меня не нашлось. Но это странное переживание, испытанное мной в момент «умирания», я еще долго не могла выразить, я говорила, что «вся жизнь пронеслась передо мной», но я не знала, как рассказать про невероятную сцену, и верить ли собственным воспоминаниям о ней. Почему-то тогда, когда я пыталась припомнить ее сразу после, все «слипалось» и оставалось только чувство потрясения — есть нечто не всегда зримое, что, тем не менее, присутствует в моей жизни и озаряет ее светом и смыслом.

Нет ничего ценнее
жизни

Уже в самом раннем возрасте я поняла, что нет ничего ценнее жизни. Жизнь каждого существа на Земле — дорога, и защищать Жизнь — самое благородное занятие, а уничтожать Жизнь — самое гнусное. И я стала защитницей Жизни во всех ее формах. Я защищала то, что могла. Я не позволяла детям убивать безобидных насекомых — червей, мух, пауков, бабочек, жуков и гусениц. Убивать можно было только вредных насекомых — комаров, клопов и слепней. А еще колорадских жуков у нас на даче (да и то я не могла собственноручно бросить их в костер, это делала сестра). Но, защищая червяков, я по незнанию совершила одну большую ошибку. Во время дождя, когда черви выползали из земли, я думала, что они погибают от того, что потом высыхают на солнце, и поэтому бросала их в лужи. Только в школе на биологии я узнала, что они дышат воздухом и выползают оттого, что им нечем дышать в мокрой земле. Чувство вины за погубленных червей мучило меня еще долго. Теперь я пыталась возместить нанесенный Жизни ущерб, спасая червей из луж.

Защищать живое

Помню, в детстве была забавная игра у детей — надо было раздавить особого паука «косиножку», и его ножки сами по себе дергались. Мы с сестрой вели борьбу против этой забавы, доказывая всем, что паук «хороший», для чего брали его в руки. Это имело некоторый успех, дети перестали убивать пауков.

- «Труднее всего было защищать растения» Другим объектом нашей защиты были деревья. Мы с сестрой с двумя своими подругами-сестрами сажали деревья вокруг дома. Когда долго не было дождя, мы ведрами носили воду и поливали наши деревца. Сломанные мальчишками ветки мы перевязывали своими носовыми платками, и они часто приживались.
- Труднее всего было защищать растения. Мы старались не рвать в лесу редкие цветы и не делать слишком уж большие букеты. Но не рвать цветы вовсе было выше наших девчоночьих сил.
- На «пятачке» земли перед домом мы с девочками из нашего двора устраивали клумбы, сажали ноготки и ромашки. Ухаживали за ними, соревновались, чья клумба лучше. Под деревьями сажали ландыши.
- Когда мне было лет пять, а сестре лет семь, мы посадили на «пятачке» маленькую веточку тополя. Мы ухаживали за нашим деревцем. Тополь вырос огромным, с двумя стволами из одного корня. Лишь в 2001 году ураган в Москве, пронесшийся как раз по нашему району, сломал наш почти двадцатилетний тополь. Падая, он сломал еще несколько деревьев. Наше горе было таким, как если бы мы вновь стали детьми и увидели гибель нашего дерева.
- Защищать всех обиженных детей Но «защищать Жизнь» для меня означало не только беречь природу. Также это означало защищать всех обиженных детей. Если кого-то притесняли или недолюбливали, я становилась на его сторону (конечно, если он сам не совершил ничего дурного). Так я реализовывала свои представления о справедливости по отношению к людям. Я была твердо уверена в том, что именно так следует поступать, и моя уверенность иногда действительно смягчала отношение других детей к «нелюбимцам».

Часть 3. Игрушки

- Живые игрушки В моем понимании игрушки и вещи были «живыми». Так что на них тоже распространялась установка «защищать и оберегать Жизнь». Защищать их от дурного обращения я считала своим долгом. Вид поломанных вещей и особенно игрушек приносил мне почти физическое страдание. Увидеть на помойке куклу с оторванными ногами было для меня равносильно созерцанию изуродованного трупа, я испытывала жалость и боль, мучаясь от того, что ничем уже не могу помочь этому существу. Одно время я даже хотела организовать «мастерскую», куда бы я приносила поломанные игрушки, найденные на улице, и чинила бы их, давая им новую жизнь и избавляя от страдания.
- «Свои игрушки я никогда не ломала...» Свои игрушки я никогда не ломала, обращалась с ними бережно, как и следовало обращаться с «живыми» существами. Полагая, что

Нелепая «смерть»
игрушечного друга

игрушки также наделены эмоциями, я старалась не обижать их. А обидеть «моих друзей» можно было недостатком любви и внимания. Чтобы этого не произошло, я играла со всеми игрушками, не забывала ни об одной, по очереди клала их с собой в кровать, гладила «животных» и заботилась о куклах.

Однажды мальчик, сын наших гостей, в пылу какой-то ссоры оторвал голову у моей мягкой игрушки — собачки. Со мной приключилась настоящая истерика. Я заливалась слезами и твердила, что он убил мою собаку. Перепуганные взрослые бросились меня утешать, но уговоры не помогали. Тогда мама взяла нитку с иголкой и пришила собаке голову на место. Но и это не сразу меня успокоило. Ведь на моих глазах «жестокий мальчишка» растерзал мою беззащитную собаку. И теперь эти наивные взрослые хотят мне доказать, что «ничего страшного не произошло»! Что можно вот так пришить голову, — и будто ничего и не было! А если оторвать голову этому мальчишке, тоже можно будет потом пришить? И я рыдала, всем своим существом страдая от нелепой «смерти» своего игрушечного друга. Взрослые потом смеялись надо мной: «какая ты смешная, ну вот же она, целая и невредимая, твоя собака!». Но для меня это была уже не та собака, которая была раньше. Это уже было нечто другое, «воскрешенное из мертвых». Мне требовалось время, чтобы вновь принять ее в круг «живых».

Излюбленные
игрушки

Мои излюбленными игрушками были маленькие зверюшки из литой пластмассы. У меня была целая коллекция разноцветных зверьков. Они запросто помещались в карманах, так что можно было всегда их носить с собой. Играть с ними было очень легко, — можно было на маленьком пространстве разворачивать целые постановки, при том, что посторонние не будут видеть, во что я играю. Я всегда брала их с собой, когда принимала ванну. Но, перед тем как бросить их в воду, чтобы играть на дне ванны, я, понимая, что живые существа погибнут без воздуха, проводила специальный магический ритуал, после которого мои «зверюшки» обретали способность дышать под водой.

Королество пуговиц

Моя мама увлекалась шитьем, поэтому у нее была чудесная коробка со множеством разнообразных пуговиц. Это был настоящий клад, эти пуговицы! Заручившись маминым согласием я брала коробку и уходила в дальнюю комнату. Пока все смотрели по телевизору какой-нибудь фильм, я играла «в пуговицы». Я не любила, когда мне мешали играть. Вся структура игры рушилась, весь азарт, весь интерес улетучивались, когда кто-либо наблюдал за моей игрой. Я забиралась на большую бабушкину кровать и раскладывала на покрывале своих «персонажей». Действие было грандиозным по масштабам. В инсценировке

участвовало множество «людей», их роли выполняли пуговицы, которых я «знала в лицо», остальные пуговицы выполняли роль «массовки». Образовывался королевский двор со своими взаимоотношениями и интригами. Борьба Добра со Злом велась и здесь, в этой «пуговичной стране». И я верила, что, несмотря на свое могущество и коварство, Зло будет побеждено. И оно действительно терпело поражение, если мне никто не мешал довести игру до конца. Если же игру прерывали, то эта незавершенность оставляла Зло безнаказанным, а добрых персонажей в беде. Такое положение дел мне крайне не нравилось, но оставить игру «на завтра» было сложно из-за развернутости сюжета и многочисленности персонажей. Пуговицы ссыпались с кровати в коробку, и на следующий день надо было начинать все сначала. Если игра была прервана в напряженный момент, когда Зло было в зените своей силы, то, засыпая, я мысленно продолжала игру, позволяя своим «персонажам», принцам и принцессам, побеждать его.

Немецкая кукла Роза
и советские куклы
Настя и Наташа

На семь лет моя вторая бабушка, Лиза, подарила мне большую немецкую куклу. Она была в коробке, и моя сестра сказала мне, что на коробке было написано ее имя. Якобы это было немецкое имя с фамилией. Я удивилась, но все же поверила и стала называть куклу ее «немецким» именем. Так она получила свое имя — Роза. Потом сестра призналась, что подшутила надо мной, но я уже привыкла к странному имени куклы. Кукла была очень красивой, с длинными светлыми волосами и серыми глазами. До того как у меня появилась эта кукла, у нас с сестрой уже было по кукле. Это были две совершенно одинаковые советские куклы с кучерявыми волосами, мы различали их одним нам ведомым способом, хотя и имена их были несколько похожи — Настя и Наташа. Мне было неудобно играть одновременно с двумя большими куклами, но играть только с одной — означало «обидеть» другую.

Мучение от сознания
«неправильности»
своих чувств

Я сразу полюбила свою красивую «немку» больше, чем ее русскую предшественницу, но считала несправедливыми такие чувства, ведь та не виновата в том, какая она есть. Я мучилась от сознания «неправильности» своих чувств. Мне казалось, старая кукла чувствует, что я люблю ее меньше, и страдает. Однажды я придумала выход из этой ситуации. Моя сестра называла наших старых кукол «близняшками», и сама она говорила, что когда вырастет, то у нее будут дети — «близняшки». И я решила «отдать» свою старую куклу сестре «на усыновление». Таким образом, получалось благо и мне, и ей, и кукле. К тому же, мне казалось, что сестра завидует тому, что у меня две куклы. Сестра с радостью «приняла» мою куклу, и теперь играть стало легче.

Часть 4. Рост

Не помню как
научилась считать

Не знаю и не помню, как я научилась считать. Но умела считать, складывать и вычитать уже в детском саду. Помню, что в связи с этим, а также общим уровнем развития, меня вроде бы хотели перевести в группу на год старше, но, кажется, я не захотела покидать своих друзей и осталась в прежней. Помню, как мы сидим за партами на занятии в группе, и на байковой доске прилеплены картонные «морковки». Воспитательница спрашивает, сколько «морковок» на доске, и никто не может ответить, а я знаю, что их семь — вот же три и рядом еще четыре, но молчу. Молчу, потому что раньше всегда говорила, но потом поняла, что воспитательница уже знает, что я знаю, и нет никакого смысла сообщать ей об этом. Но главное — я должна дать возможность другим детям сказать, пусть даже и после того, как они будут по одной пересчитывать их у доски. На таких занятиях я сидела тихо и скучала, поглядывая в окно или думая о своем, но всегда отвечала, когда меня спрашивали, если от других детей не удавалось получить ответ. Наверно, я гордилась своим умением, но никаких чувств по этому поводу не помню.

«Я очень любила
учить и читать
стихи...»

Я в детстве очень любила учить и читать стихи, петь песенки и танцевать. Я легко заучивала слова, с первого-второго раза. Помню, как я забиралась на крыльцо многоэтажки, в которой мы жили, и читала с него, как со сцены, стихи, пела и плясала перед бабушками из нашего дома, стоящими внизу. Мне аплодировали, я чинно кланялась, довольная устроенным представлением. Это было где-то в дошкольном возрасте. Тогда я говорила, что когда вырасту, стану «артисткой».

«Дурацкие стишки»

Чуть позже, наверное, лет в семь, отец подарил нам с сестрой толстую книгу, точнее пустые листы в переплете, и сказал, что мы можем в нее записывать наши стихи, рассказы и прочее. Книга сначала лежала без дела, но потом, когда мы поняли, что родители не очень-то о ней вспоминают, мы начали туда записывать всякие дурацкие стишки. В основном это было что-то типа считалочек про одну девочку из нашего двора, над которой почему-то втихую подшучивали, хотя и играли с ней. Я помню свое первое стихотворение (оно же было и единственным, потому что считалочки придумывала в основном сестра, а мне было совестно потешаться над девочкой). Стишок был таким: *«Висят на остановке железные ключи, и мы совсем не знаем, зачем и чьи они»*.

Ключи — символ
решения загадки

Долгое время оно казалось мне просто глупостью, пришедшей в голову ребенку, но потом я попыталась посмотреть на него с точки зрения символов, и тут я призадумалась. Ключи могли быть символом решения какой-то загадки, но сами они вызывают вопросы

о смысле, назначении, принадлежности, а вовсе не дают ответов. А остановка — символ некоего затруднения или ожидания, приостановки чего-то. Употребление местоимения «мы», а не «я» — стремление к некоей общности, союзу, а может и ощущение себя частью этой общности (например, с сестрой). Хотя мой взгляд не меняет сути — это всего лишь глупость, пришедшая в голову ребенку.

Сестра научила меня
говорить букву «р»

Помню, как сестра научила меня говорить букву «р». Мы только что вышли из дома, наверное, собирались пойти в песочницу, потому что у нас с собой были формочки для «куличей». И тут она снова начала приставать ко мне с этой дурацкой буквой, которая мне никак не давалась. «Скажи “р-р-р”! Скажи “р-р-р”!». Я слабо сопротивлялась. Она в шутку накрыла мой рот формочкой и снова начала: «скажи “р”»! И тут я, наверное, со злости, что она меня мучает, сказала: «р-р-р!!!». Мы обе были поражены и взволнованы и тут же побежали домой всё рассказать маме. Прибежав домой, сестра закричала: «А Танька “рэ” сказала!!! Скажи “р”!!!». Я пытаюсь сказать «р», но получается «л», я уже не понимаю, как у меня вышло «р», волнуясь. Сестра начинает объяснять, как она меня научила говорить «р», снова прикладывает формочку к моему рту. Не помню, получилось ли тогда снова «р» или нет, но после этого случая оно уже прочно вошло в мою речь.

Я научилась читать,
но писать у меня
никак не получалось

Уже до школы я научилась читать. Но вот писать у меня никак не получалось. Покажет мне сестра, которая к тому времени уже ходила в школу, какую-нибудь букву, я долго и старательно ее срисовываю, а получается у меня она перевернутой, как в зеркале. Помню, как она расстраивалась, видя, что все ее усилия напрасны. Потом она оставила попытки научить меня писать, так что этому я научилась в школе.

Помню, как мы играли с сестрой в поликлинику — надо было писать рецепты, но писать я не умела, так что когда была моя очередь, я просто выводила крючки, не отрывая ручки от бумаги. Я очень завидовала умению писать, которым владела моя сестра. Мне казалось это каким-то пропуском во взрослый мир, казалось очень интересным и захватывающим занятием. Это был для меня шифр, который умели расшифровывать только старшие дети, приобретавшие в моих глазах авторитет.

Я очень хотела пойти
в школу

Я очень хотела пойти в школу. Моя сестра уже училась во втором классе, а мне оставался последний год в детском саду. Я расспрашивала ее о том, как там, очень завидовала, что она может учиться в школе. А она говорила: «Это ты сейчас так хочешь в школу. А потом поймешь, что ничего там хорошего нет. Я тоже сначала, как и ты, очень хотела пойти в школу». Меня удивляли ее слова. Я была уверена, что в школе очень интересно. Когда я, наконец, пошла туда, я в этом убедилась. В школе было здорово. Я быстро

со всеми подружилась, учительница у нас была молодая и очень хорошая, у меня она вызывала восхищение и уважение. Почти все обучение давалось мне очень легко, за исключением чистописания. Проблема была в том, что наклон букв был в обратную сторону. Учительница огорчалась из-за моей неспособности писать с нормальным наклоном, линовала мне тетрадь наклонными линиями, но тогда мои буквы заваливались направо так сильно, что читать их нужно было, повернув тетрадь боком. Тогда она сказала мне: «Лучше уж пиши как раньше».

Я очень переживала
из-за оценок

Никаких других особенных трудностей у меня в начальной школе не было. Правда, я очень переживала из-за оценок. Поскольку я все делала со всем своим старанием, то мне хотелось, чтобы оно было оценено по достоинству. Однажды я вернулась домой в слезах и, упав на кровать, закатила истерику. Перепуганные родные стали спрашивать, что случилось. Я сквозь слезы сказала, что мне поставили двойку. И показала листочек с работой, внизу которой учительница поставила «См». Мне стали объяснять, что это означает «смотрела», а вовсе не двойку. Разубедить меня им не удалось. Так что лишь на следующий день этот вопрос был решен, когда сама учительница мне сказала, что это не двойка.

«Вот бы поскорее
вырасти и стать
взрослыми»

Однажды мы сидели на ограде — металлической трубе, я и мои подружки. Нам было около восьми лет, наверно. Мы кувыркались на этой ограде, — это было наше любимое развлечение — упражнение на ловкость.

Кто-то из девочек сказал:

— Вот бы поскорее вырасти и стать взрослыми.

— Зачем? — спросила я.

Подружки стали говорить о преимуществах:

— Можно будет делать все, что захочешь! Мороженым объедаться и вообще!

— Да вы же не будете этого делать! Вы не сможете даже на заборе покувыркаться! — возразила я.

— Почему? А кто нам запретит? — удивились они.

— Вы сами не станете.

— Как же это так? Мы будем делать все, что захочется.

— А вы посмотрите на взрослых! — говорю я. — Разве они объедаются мороженым? Разве они кувыркаются на заборе? Много ли у них вообще радости? Они всегда чем-то заняты! У них всегда дела.

Подруги притихли. И верно: почему взрослые никогда не кувыркаются на заборе и не объедаются мороженым, не играют и не радуются?

«Мы обладаем потря-
сающим качеством —
мы дети!»

Но я давно поняла, что сейчас у нас есть необычное и ценное время, и мы обладаем потрясающим качеством — мы дети! Потом мы изменимся и потеряем то, что сейчас не умеем ценить.

— Давайте будем кувыркаться и радоваться, пока мы можем это делать! — сказала я.

И все-таки от того, что я обо всем этом знала, у меня оставалось чувство, будто я претворяюсь ребенком, и меня могут разоблачить. Но меня так и не разоблачили. Мое тело было идеальным прикрытием.

«Моя девятка»

В свои Дни рождения я просила родителей класть подарки ночью рядом с подушкой. Поскольку я родилась ночью девятого числа, то считала, что с самого моего пробуждения наступает особый день, «моя девятка», и, как только я открою глаза, ощущение праздника должно наполнить меня, и радость от полученных подарков будет моим самым первым событием в этот день.

Самым запоминающимся Днем Рождения стал день, когда мне исполнилось девять лет. В тот день, проснувшись, я обнаружила на подушке чудесную игрушку — рыжую собаку с длинными ушами и розовым пластмассовым языком. В чем была особенность этого дня? Я рассуждала так: всего раз в жизни бывает День рождения, когда календарное число совпадает с количеством лет. «Девятого числа мне исполняется девять лет!» — думала я. Будто бы это был некий рубикон, перейдя который, я уже никогда снова не буду такой, как до него. Это ощущение оказалось пророческим. Позже, заглядывая в свое прошлое, именно так я проводила черту, разделяющую время моего детства и время, последовавшее за ним. Что же случилось после девяти лет? Ничего внешнего. Но внутри меня стали происходить изменения. Я выросла все быстрее. Многие вещи, что были для меня интересны, теряли свою привлекательность. Другие же вещи, что раньше были недоступны моему пониманию, все больше занимали мой ум. Внутри я уже не была тем ребенком, что прежде. Но этого не стоило говорить остальным. Для своих родных я оставалась по-прежнему «маленькой».

Часть 5. Страх и ненависть

«В моей голове не укладывалось, как могут одни люди уничтожать других»

С самого детства я знала, что существует война. О ней говорили, ее ждали, о ней вспоминали. Ждали, что Америка, если не сбросит атомную бомбу, то развяжет войну другими способами. Вспоминали о Великой Отечественной войне, особенно в день Победы. Когда я осознала, что же это такое, мысли о войне стали для меня невыносимы. В моей голове не укладывалось, как могут одни люди уничтожать других. Да, размышляла я, я могу представить, что один человек враждует из-за чего-то с другим, вот они сражаются и один из них погибает, это понятно. Но как может множество людей объединиться для того, чтобы истребить другое множество людей, не имея никакой личной причины убивать, — этого я по-

нять не могла. Это лишено было всякого смысла, всякой логики. Бессмысленная смерть, лишавшая всякой ценности и священности жизнь. Массовая смерть, обезличивавшая людей, превращавшая их просто в цели. И не о ком даже плакать, — ведь их слишком много, чтобы можно было вместить всю скорбь. Когда я пришла к этому осознанию, а это произошло, вероятно, около семи-восьми лет, я стала избегать всякого упоминания о второй мировой. Я не могла смотреть фильмы, где действие разворачивалось в военные или послевоенные годы, даже если фильмы были не про войну.

«Девятое мая стал для
меня днем пыток»

Девятое мая стал для меня днем пыток. По радио и телевизору только и говорили, что о войне. В школу к нам приходили ветераны и рассказывали о военных действиях. Мы должны были слушать множество речей, посвященных этой дате, петь военные песни, учить стихи, рисовать рисунки на тему «С днем Победы!». Я рисовала дома и салют. И маленькую летающую тарелку в уголке. Я возненавидела красные гвоздики, которые были символом этого праздника. Но все это я должна была скрывать. Ведь это был такой чтимый праздник, Война была «священной», и воины были «героями». Я понимала, как это важно для всех. Но поделаться с собой ничего не могла. И я скрывала, как умела, свои чувства. Самым жутким для меня было слушать о блокадном Ленинграде. У нас в школе был «Музей Хлеба». Там были всякие документы и фотографии. И каждый раз, когда нас туда водили, нам рассказывали про девочку Таню, которая вела дневник, когда умирали от голода ее родные. Эта история была для меня мучением, и то, что ее имя было таким же, как у меня, делало мое страдание невыносимым. Но я должна была не подавать вида. В конце концов, говорила я себе, скоро пройдет этот праздник, и все закончится. И на целый год можно будет забыть о кошмаре.

Но кошмар время от времени возвращался. Я видела во снах рвущиеся снаряды и разрушенные дома, слышала стрекот пулеметов и крики, повсюду был огонь и хаос. Я сражалась в лесах вместе с партизанами против фашистов. Но, оказываясь лицом к лицу с загнанным в угол врагом, так и не могла сделать последний выстрел. Отнять жизнь у человека из плоти и крови, такого же, как я, было сверх моих возможностей даже во сне. Жизнь обладала для меня высшей ценностью.

«Мне снилась
будущая война»

А иногда мне снилась будущая война. Падение атомной бомбы и радиационное заражение. Бомбоубежище и сухие пайки. Болезни и мутации. Все небо затянуто темной пеленой. Я пытаюсь что-то сделать, что-то изменить. Я спасаю людей, я разговариваю с Рейганом, пытаюсь убедить его отказаться от применения атомного оружия, но все напрасно. Мир погибнет от рук тех, для кого Жизнь ничего не значит.

Драка в школе

Был один забавный случай в начальной школе. У меня была очень задиристая подружка. Однажды она чем-то задела мальчишек, и завязалась драка. Видя, что бьют мою подружку, я стала ее защищать. Силы сравнялись, и исход дела стал неясен. Но тут нас увидела учительница и сказала: «Всем — дневники на стол!» Меня, несмотря на обычно примерное поведение, также не миновала эта участь, как я ни старалась объяснить, что я поступила правильно, — ведь я защищала подругу. Я с негодованием хлопнула свой дневник на учительский стол, и в нем появилась уникальная запись: «Поведение на перемене — 2». Дома меня не ругали, восприняв это как забавный инцидент. Моя обида на учительницу вскоре прошла, и я с прежней любовью относилась к ней. Помню однажды, желая сказать ей, что она очень красивая, я долго думала, как правильно — «Вы красивая» или «Вы красивые».

Случай заставил
задуматься о морали

Был у нас в классе один мальчик, который бил девочек. Одна девочка, очень активная, наша октябрятская староста, позвала свою мать, которая работала в школе, и та поставила мальчика к доске и сказала нам: «Все, кого он бил, подойдите и ударьте его так же, как он вас». Девочки стали подходить и бить его, он слабо защищался. Девочки били не сильно, лишь наша староста ударила его так, что он согнулся от боли. Когда я подошла, чтобы ударить, у него текли слезы, и вид был жалкий. Я так и не смогла его ударить. Этот случай заставил меня задуматься о морали. Правильный ли это принцип — «зуб за зуб»? Мальчик, конечно же, виноват и заслужил наказания, терпеть его побои значило позволять ему такое поведение. Но, наказывая его побоями, когда силы неравны и он не может защититься, не поступаем ли мы столь же дурно, как и он, когда бил более слабых девочек?

Один мальчик
возненавидел лично
меня

Еще один мальчик, Сергей, возненавидел лично меня. Я не знала причины его ненависти, и это ставило меня в тупик. Но это была какая-то методичная, стойкая и ни от чего не зависящая злоба, проявляющаяся во всем. Он не разговаривал со мной, а если это было необходимо, то сквозь зубы. После уроков он ждал меня у забора школы, где я должна была пройти по дороге к дому. Он не давал мне пройти. Каждый раз я пыталась увещевать его не начинать драку: «Что я тебе сделала? Зачем ты меня преследуешь?». Он не объяснял зачем. Смотрел на меня с ненавистью. И почти всегда начиналась драка. Я храбро защищалась, как могла. Я была, может, и не очень сильной, но зато проворной и ловкой, против его силы и неповоротливости. Но больше всего возмущения у меня вызывал даже не он, мой неизменный враг. У него был спутник, Артем. Это было совершенно бессловесное существо. Он всюду сопровождал своего «приятеля», их отношения были отношениями «хозяина» и «раба». Артем носил портфель своего «по-

велителя» и ни в чем ему не перечил. Пока мы с Сергеем дрались, он молча стоял чуть в стороне с покорным видом и держал его портфель. Я давно отчаялась воззвать к совести своего врага и взывала к чувствам его «пажа». Я кричала на него: «Как ты можешь стоять и смотреть на то, как бьют девочку? Ты трус! Ты просто его раб. Ты только подчиняешься! У тебя что, нет собственной воли? Почему ты не вмешаешься? Почему ты позволяешь ему собой командовать?». Но он стоял так же молча, с тем же безучастным видом, будто мои слова нисколько его не касались. Меня удивляла эта необъяснимая упорная ненависть Сергея, но это бессловесное подчиненное поведение поражало меня намного больше. Такое безволие и униженность просто не умещались у меня в голове. Я была с самого детства проникнута глубоко укоренившимся чувством собственного достоинства и обладала способностью иметь и отстаивать свое собственное мнение. Правда, это иногда приводило к конфликтам. Взрослые обычно не ожидают от ребенка таких качеств. Это же было и причиной частых конфликтов с отцом, которые начались еще в период детского сада.

Вражда с Сергеем
стала школой жизни

Наша вражда с Сергеем вообще стала для меня школой жизни. Однажды я пожаловалась на него отцу, сказала, что меня почти каждый день бьет мальчик. А отец сказал: «Ну и что, я с ним разбираться, что ли, пойду?». Меня как кипятком ошпарили эти слова. Действительно, я представила, что мой отец дерется с этим мальчиком, и поняла, какую глупость я совершила, пожаловавшись отцу. Он сказал: «Сама решай свои дела». Этот случай послужил мне уроком для осознания того, что я сама должна уметь справляться со своими проблемами и не просить о помощи. Привлекать взрослых к решению своих трудностей — это проявление слабости, неспособности. Я не могла себе позволить быть слабой и неспособной, несамостоятельной. Это было против моих моральных принципов. Драки с моим врагом продолжались, но уже с тем чувством, что я сама должна за себя постоять и не ждать от кого-то помощи. Дух мой укрепился, отчаянность придавала мне силы. И ведь моя сила в этой борьбе не настолько разнилась с силой этого мальчика, чем разнилась бы сила моего отца. А значит, хоть бой был все-таки неравным, моральное превосходство было на моей стороне.

Зависть — причина
ненависти

Потом, когда мы уже подросли и драки прекратились, он продолжал ко мне относиться с холодной враждебностью. Одна девочка из нашего класса открыла для меня тайну его ненависти. Однажды она его спросила, за что он меня ненавидит. А он ответил: «А почему она лучше меня учится?» Меня рассмешила такая причина его вражды. Он учился на тройки-четверки, и я была не единственной, кто учился лучше него. Он же даже не прилагал особых усилий, чтобы учиться лучше. Просто я была одной из лучших

Освобождение от
ненависти

учениц, и его зависть и неспособность добиться успеха и внимания порождала в нем эту злобу бессилия. Так значит, он ненавидел меня за то, что я была лучше, чем он! Это лишь доказывало то, что я была права, считая его ничтожеством.

Мы выросли, и выражение негативных чувств открыто становилось все более неприемлемым. Наша вражда превратилась в антипатию, мы старались ни в чем не пересекаться и не общались без крайней необходимости. Но однажды, уже классе в девятом, должна была быть контрольная по истории, и было несколько вариантов. Ученики послабее договаривались заранее с более сильными учениками, чтобы те дали списать. Получилось так, что у Сергея был тот же вариант, что и у меня. Он, колебавшись, но, не имея другого выхода, подошел ко мне и как можно более холодным голосом спросил, не дам ли я ему списать работу. Я молчала секунду, не больше. Но за эту секунду я успела решить очень сложную задачу. Я могла бы отказать ему, мне теперь уже ничто не угрожало, и тем унизить его, отомстив за все страдания, которые он причинил мне. Вокруг стояли все наши одноклассники, так что унижение было бы публичным, поскольку другие уже заручились моим согласием на списывание. Я могла бы согласиться и тем дать ему повод думать, что я боюсь его. И это также было бы публичным. Дилемма решилась, потребовав от меня всего мужества и всех моих сил, чтобы я не поступила иначе. Я сказала: «Ну, конечно, я дам тебе списать». Мой голос был доброжелательным и спокойным. Сергей гордо поднял подбородок, победно глянул на стоящих вокруг учеников. Он не поблагодарил меня, это было для него уже слишком. А я улыбнулась. Ведь я знала, кто на самом деле одержал победу в этой маленькой битве. Моя победа была незримой для других, но для меня она стала освобождением от давней ненависти. Ведь то, что он обратился ко мне за помощью, означало уже его признание поражения, он нуждался во мне, он зависел от моего решения, а я могла ему и отказать в этой помощи, и даже должна была бы отказать, продолжив нашу вражду. Но я оборвала эту нить ненависти, ответив добром на зло, не из страха, а из-за того, что освободилась от страха.

«Ненависть — это
перегной страха»

Как-то в одной книге я прочла такую фразу, сказанную отважным капитаном: «Ненависть — это перегной страха. А я никогда никого не боялся». Я выписала эту фразу в специальную тетрадь, куда записывала прочитанные книги. Осознание такой тесной связи ненависти и страха заставило меня переосмыслить это чувство. Было лишь два человека, которых я ненавидела. Сергей, от ненависти к которому я освободилась, лишь осознав, что больше нет страха. И была еще одна девочка в восьмом классе, которой я насолила, назвав ее за глаза нехорошим словом за шокировавшее меня поведение, свидетелем которого я стала. Кто-то из моих подруг, кото-

Я научилась брать
ответственность за
свои слова

рым я это сказала про нее, сообщил ей об этом. Она разыскала меня в школе и сказала, что может сделать так, что компания ее парней побьет меня за такие слова, но она этого делать не будет, если я не буду такое про нее говорить. Я была напугана такой угрозой, но чтобы что-то ответить, я достаточно дружелюбно сказала, что не буду такое говорить, а она пусть не ведет себя подобным образом. Так что на этом мы и расстались довольно мирно, но я была вне себя. Мне было очень неловко за то, что я сказала и что мои слова дошли до ее ушей. Но главное, что среди моих ближайших подруг есть кто-то, кто общается с такой, как она, и передает мои слова. То есть предателем был кто-то из тех, с кем я дружу и кому доверяю. Я пыталась выяснить, кто это мог быть, но все заверяли в своей непричастности. Это лишь усугубило мои мучения. Мало того, что надо мной висела эта угроза избиения, что я испытала унижение, о котором знали мои подруги, так еще нельзя было никому доверять, предатель был рядом и носил маску друга. И я пережила эту трансформацию страха и унижения в ненависть, которая ослабла, только когда я узнала, что семья этой девочки уехала за границу, и что я больше с ней никогда не встречусь. Но урок я вынесла и из этой тяжелой для меня ситуации. Во-первых, я поняла, что никогда не нужно говорить за глаза о человеке то, что ты не сможешь повторить ему в лицо. Так я научилась брать полную ответственность за свои слова. А во-вторых, я поняла, что в какой бы секретности и каким бы близким друзьям ни говорилось что-то, нельзя исключить того, что твои слова станут известны третьим лицам, так что никогда не стоит говорить того, что может обернуться против тебя. Чтобы разрушить эту стену недоверия, которая возникла как реакция на неприятную ситуацию, и вернуть мне доверие к друзьям, потребовалось время и усилия одной моей хорошей подруги, которая появилась у меня в последних классах.

Заключение

События нашей
жизни приходят и
уходят, но что-то
остается

События нашей жизни приходят в наше сознание и уходят, но что-то остается. Да и мы сами — кто такие? Сборники воспоминаний и генераторы надежд. «Миг между прошлым и будущим» существует лишь условно — это только грань между прошедшим и предстоящим.

Ведь тогда, когда будет наше время уходить, что останется у нас? Только легкий запах, запечатлевший тончайшую субстанцию — нашу прошедшую жизнь.

